

ЯЗЫКОВОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ КАК ОСНОВНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИИ

© **Мащитько О.В.***

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
Республика Беларусь, г. Минск

В статье исследуется одна из наиболее существенных черт языкового функционирования идеологии – разделение в языке. Рассмотрены некоторые способы лингвистической фиксации идеологического разделения в рамках современных культурологических и философских моделей. Во всех рассмотренных теориях отмечаются два доминирующих аспекта изучения лингвистического измерения идеологических различий. Во-первых, они фиксируются в языке. Во-вторых, идеологические противоречия нейтрализуются либо маскируются в сфере языка.

Ключевые слова: язык, энкратический и акратический языки, идеология, деидеологизация, миф, демифологизация, семиократия.

«Благодаря языку мы можем жить в «разных мирах», живя на одной улице».

С. Жижек [7, с. 61]

В 1946 году А. Камю ввел в оборот выражение «конец идеологии», обозначив тем самым тему, ставшую определяющей для второй половины XX века. Американский социолог Д. Белл, автор книги «Конец идеологии», понимает под идеологией левые учения, в связи с чем капиталистическое общество называется постидеологическим. Идея «конца идеологии» связана с концепциями «конца истории», секуляризации, постполитики, посткапитализма. Однако можно ли утверждать, что мы действительно живем в век постидеологии, или это время господства нового типа идеологии, не воспринимаемой в качестве таковой.

Интерес к проблеме идеологии в гуманитарных науках закономерен, учитывая необходимость критического осмысления современных социокультурных процессов, связанных с влиянием неонацизма, религиозного фундаментализма, неолиберализма, нового мирового порядка, глобализации. На смену парадигмы «деидеологизации», «конца идеологии» сегодня приходит стратегия исследования последней как неизбежного фактора конституирования социальной реальности.

При таком способе анализа одну из ключевых ролей начинает играть лингвистический аспект исследования идеологических феноменов, поскольку

* Доцент кафедры Философии, докторант кафедры Культурологии, кандидат философских наук, доцент.

ку, в современных гуманитарных науках в качестве основного конституирующего фактора по отношению к социальным смыслам рассматривается язык. Будучи одной из приоритетных тем при исследовании способов воздействия идеологических идей на субъекта, проблема языка идеологии остается не менее важным на сегодняшний день, хотя способ идеологического языкового воздействия переместился из плоскости содержательной в плоскость формальную. Настоящая статья посвящена исследованию одной из наиболее существенных черт языкового функционирования идеологии – разделению в языке.

Разделение в языке в первую очередь связано с четкостью формулировок, ясностью самоидентификации и явным обозначением границ. При неявном функционировании идеологии разделение сменяется унификацией, что на уровне языка проявляющаяся в нечеткости самоидентификации и формулировок, расплывчатости в обозначении границ. Самым ярким проявлением языкового разделения в явной идеологии является деление на «своих» и «чужих».

Язык, с одной стороны выступает в качестве средства разделения. Этот аспект функционирования языка отмечен во многих исследованиях. Деление на «своих» и «чужих» является одной из традиционных тем лингвистики. В современной культурологии данная проблема находит свое отражение в концепции Р. Барта, рассматривающего социальное деление в языке в связи с использованием так называемых «социолектов». Бодрийяр устройство городской среды связывал со знаковым распределением внутри семиократической структуры. Этот перечень может быть продолжен. С другой стороны, язык является интегративным механизмом. На уровне коммуникации он является способом достижения консенсуса, согласия, способом сглаживания противоречий. На уровне культуры еще Гумбольдт говорил о влитоности языка в культурный контекст. В гипотезе лингвистической относительности Сепира и Уорфа говорится о языке как детерминанте мировоззрения, выполняющей интегрирующую функцию по отношению к своим носителям. Таким образом, можно говорить о сочетании разделительной и интегративной составляющей внутри языка. Причем идеология явного типа стремится в большей степени задействовать первую составляющую, акцентировать разделение по идеологическому признаку. Неявная идеология делает акцент на втором, интегративно-унифицирующем аспекте, стремится нивелировать идеологические противоречия.

Рассмотрим некоторые способы лингвистической фиксации идеологического разделения в рамках современных культурологических и философских моделей.

В концепции Ж. Бодрийера исследование социальных и идеологических противоречий осуществляется исходя из принципа гиперреальности. В современную эпоху социальное становится гиперреальным, основывается на

симуляции, что означает стирание грани между реальностью и воображаемым. Соответственно, с утратой реальности в сферу симуляции перемещается и анализ социального. Бодрийяр Ж. постулирует, что в условиях гиперреальности фактически не осталось места для реальных социальных противоречий. Они перемещаются в семиотическую сферу, в сферу симуляции. Это проявляется в двух содержательных моментах. Во-первых, происходит знаковая дифференциация общества, заменяющая реальные противоречия. Во-вторых, возможные протесты против «господства симулякров» также разворачиваются в семиотической сфере.

Первый аспект семиотического отражения социальных противоречий связан с дифференциацией людей с помощью знаков. Современная культура базируется на кодексе знаков и отличий. Знаковый характер присущ производству и труду; мы окружены не вещами, а знаками – знаками счастья, престижа, самой реальности. Обращение, покупка, продажа и присвоение вещей как знаков составляет язык нашей культуры. Ключевая функция знаковых вещей – знаковая стратификация общества, призванная устранить реальные социальные противоречия в посткапиталистическом обществе. Идеальным пространством для реализации знакового расслоения общества является, по Ж. Бодрийяру, современная городская среда. И если в XIX веке город был политико-индустриальным полигоном, то сегодня это полигон знаков, кодов, средств массовой информации, не случайно Ж. Бодрийяр в работе «Символический обмен и смерть» употребляет применительно к городу понятие «семиократия»: «Система воспроизводит себя не только в экономическом пространстве, но и в глубину – через сложную систему знаков и кодов, через символическое разрушение социальных отношений» [4, с. 157], «Сегодня он является преимущественным местом исполнения знаков – как исполнения приговора, от которого зависит жизнь или смерть» [там же], «Его суть – заточение в форме / знаке – повсюду. Он весь представляет собой гетто телевидения, рекламы, гетто потребителей / потребляемых, заранее просчитанных читателей, кодированных декодирующихся медиатических сообщений, циркулирующих / циркулируемых в метро, развлекающих / развлекаемых в часы досуга и т.д. Каждое пространство / время городской жизни образует особое гетто, и все они сообщаются между собой. Сегодня социализация – вернее, десоциализация – происходит путем такого структурного разбрасывания по многим кодам» [4, с. 158], «Теперь все разобщены и безразличны под властью телевидения и автомобиля, под властью моделей поведения, запечатленных во всем – в передачах масс-медиа или же в планировке городов. Все выстроены в ряд, и каждый бессознательно отождествляет себя с умело расставленными направляющими симулятивными моделями» [4, с. 159].

Второй аспект лингвистического рассмотрения социальных противоречий заключается в том, что протест против обозначенной модели «семиок-

ратии» наиболее эффективен также в семиотической плоскости. Тотальное манипулирование кодами и значениями, которой представляет собой «городское гетто», уязвимо не со стороны вещей, сколько со стороны знака. Речь идет о перемещении идеологической борьбы из содержательной в формальную, знаковую плоскость. Так, у Ж. Бодрийера таким «формальным» протестом против «городского гетто» является граффити, бессмысленные с точки зрения содержания или эстетической ценности, но приобретающие особый смысл, будучи интерпретированными в контексте идеологической борьбы против семиократии.

В работах Р. Барта лингвистический уровень рассмотрения идеологических противоречий также распадается на два взаимосвязанных аспекта. Первый заключается в том, что идеологические противоречия фиксируются в языке. Второй – в том, что идеологическое разделение нейтрализуются в сфере языка, а именно, при помощи мифологизации.

Фиксация идеологических противоречий в языке связана, прежде всего, с разделением энкратического и акратического языков, или, как их по-другому называет Р. Барт, социолектов. Разделение базируется на их отношении к власти, понимаемой как способность к устойчивой организации дискурса. В результате разделения отдельные группы «замыкаются» в границах определенного языка. Вывод Барта категоричен: язык принудителен по отношению к тем, кто его разделяет. Язык не позволяет, а заставляет. Нам вменяется в обязанность ангажированность, причастность одному из видов языков. Речь любого субъекта с неизбежностью входит в тот или иной социолект, который устрашающе действует на тех, кто находится вне его, и принудителен по отношению к тем, кто его разделяет.

Для языка энкратического – внутривластного – характерна, прежде всего, вездесущность: «им пропитаны процессы товарного обмена, социальные ритуалы, формы досуга, социосимволическая сфера» [1, с. 130]. Энкратический язык нечеток, расплывчат, трудноуловим, выглядит как естественный, скрывает свою системность, ссылаясь на «здравый смысл». Его нелегко распознать и от него некуда деться. Властный язык также характеризует полностью, это дискурс, в котором нет места «другому».

Подчиняющее действие акратического языка более явно по сравнению с энкратическим, репрессивная сущность которого завуалирована: «акратический же социолект, находясь вне власти, вынужден прибегать к прямому насилию, и действует подчиняюще, пускает в ход наступательные фигуры дискурса, призванные скорее принудить, нежели завоевать другого. Два способа устрашения различаются также и ролью, которая признается в них за системностью: акратическое насилие открыто опирается на обдуманную систему, энкратическая же репрессивность свою систему затемняет, превращает обдуманное в «пережитое» (то есть необдуманное); две дискурсивные системы связаны отношением инверсии – явное / скрытое» [1, с. 132].

Способом нейтрализации идеологических противоречий является мифологизация – создание социального мифа, имеющего языковую природу. Барт приводит несколько примеров такой нейтрализации. Противоречие между «своими» и «чужими», неспособность вообразить Другого и смириться с его существованием порождает сразу два мифа – «марсиане» и «затерянный континент». Источником обоих мифов служит неприязнь здравого смысла по отношению к инаковости. Столкновения с «инопланетянами» – это столкновение с Другим, тогда как миф «затерянный континент» – попытка его ассимиляции и европеизации. Конфликт мнений снимается мифом под названием «фото-шоки». Суть его – в навязывании зрителю своего языка и лишении возможности вынести свое суждение предельной простотой и ясностью сообщения [2]. Таким образом, миф, являясь вторичным семиотическим образованием, побуждается к жизни идеологическим концептом, фиксирующим социальное противоречие.

Еще один пример рассмотрения лингвистической фиксации идеологического разделения можно найти в концепции О. Розенштока-Хюсси. В его работах также можно различить два аспекта анализа лингвистической природы идеологических различий – их языковая фиксация и языковое устранение.

Лингвистическая фиксация социальных и идеологических противоречий демонстрируется на основе интерпретации негативных сторон общественной жизни как имеющих языковую природу. В качестве основных «социальных бедствий» называются анархия, упадок, революция и война, называемые О. Розенштоком-Хюсси «доисторическими», «доязыковыми ситуациями», при которых необходим своего рода «возврат к языку», «артикуляция». Все эти явления вызваны теми или иными «болезнями языка».

Языковая «болезнь» войны заключается в том, что противоборствующие стороны не разговаривают друг с другом, язык замыкается в границах каждого из воюющих. Война заканчивается, когда стороны начинают разговаривать. Вторая «болезнь» – революция. Она создает новый язык. Революция первоначально не артикулирована, для ее полного осуществления необходим новый язык, поскольку она осуществляет насилие над существующим миропорядком. Третьей «болезнью» является упадок. В период упадка общество слишком артикулировано, возникает лицемерие, повторение старого. В результате общество теряет способность жить для будущего, для последующих поколений. Четвертая «болезнь» – анархия. При анархии отсутствует слушание того, что говорится в рамках собственного сообщества, что вызывает социальную разобщенность. «Болезни языка» порождают исчезновение совместного времени и пространства для членов данной социальной общности, разрушают «тело» общества [9].

Для иллюстрации лингвистического устранения социальных и идеологических противоречий О. Розенштоку-Хюсси использует модель, называемую им «крестом действительности». Каждая общность живет в совместном времени и пространстве, «оси» времени и пространства образуют так

называемый «крест действительности», а основой для создания данной социальной «системы координат» является язык. Слово – это социальное действие, а социальная общность – это надиндивидуальный феномен, который может возникнуть лишь в пространстве языка. Говоря, человек пребывает в своего рода центре, пространственные и временные направления от которого и образуют «крест действительности» [там же].

Социальные бедствия как «болезни языка» связаны с нарушениями либо во времени, либо в пространстве общества. Анархия и война – бедствия в социальном пространстве, упадок и революция – в социальном времени. Источником их устранения является язык. «Бедствия» общественной жизни заставляют «проговаривать» свое сознание. В качестве примера Розеншток-Хюсси приводит следующие типы речи: рассуждение – продумывание внешнего мира – укрепление пространственной оси; формулировка закона – управление будущим – укрепление временной оси; рассказ – упорядочивание прошлого – укрепление временной оси; песня – создание единодушия внутри сообщества – укрепление пространственной оси.

Тема лингвистического отображения идеологического разделения поднимается также в постмарксизме в работах Э. Лаклау, Ш. Муффа, С. Жижека, хотя в большей степени постмарксистские теории сосредоточены на анализе скрытого, неявного функционирования идеологии. Так, маскировка антагонизма в трактовке С. Жижека связана с конституированием «невозможного ядра реальности», «идеологического фантазма», являющегося структурообразующим элементом общества. С. Жижек иллюстрирует это на примере антисемитизма. Антисемитизм смещает акценты в знаковом функционировании идеологии: создает иллюзию, что не общество основано на антагонизме, а его источник разложения сосредоточен в конкретной его части – евреях. Еврей в этой связи выступает в качестве «искаженной репрезентации социальных противоречий». В результате в обществе, рассеянном антагонистическими расколами, при помощи идеологического фантазма создается такое социальное видение, при котором общество «существует», не расколото. А еврей трактуется как чужеродный элемент, привносящий разложение в здоровый социальный строй [6].

В дискурсивной концепции Э. Лаклау и Ш. Муффа идеологический антагонизм представляет собой предел, конституируемый ретроактивно, исходя из своих последствий, как травматическая точка, ставшая их причиной [10, с. 292]. Например, классовая борьба – не фундаментальное означающее всех социальных феноменов, а чистая негативность, которая не позволяет социально-идеологическому полю стать тотальным. Классовая борьба представлена в последствиях, как аргумент, что любые попытки сделать социальное поле сплошным, наделять социальные феномены раз и навсегда данным им местом в социальной структуре обречены на провал.

Идеологическое разделение на дискурсивном уровне анализирует М. Фуко. Например, деление на нормальность и ненормальность в психиат-

рии трактуется в качестве чисто идеологического. Связь психиатрии и власти обуславливает идеологическое деление на своих и чужих.

Вопросы идеологической разделенности в языке затрагивает М. Бахтин. Причем его работы интересны тем, что, как и труды С. Жижека, писались «изнутри» идеологического социального пространства. Впрочем, учитывая наличие концепта неявной идеологии, тотально действующей в культуре, позиционирующей себя в качестве постидеологической, данная деталь теряет свое значение. Бахтин М. пишет о «двуголосости» языка как социальном феномене, исторически становящемся, социально-расслоенном и «раздираемом в этом становлении» [3]. При рассмотрении социальности языка в качестве одного из важнейших аспектов его бытия называется стратификация. Разделение в языке М. Бахтиным называется «разноречием», в котором всегда задействован идеологический аспект.

В религиозной идеологии разделение на языковом уровне проявляется в первую очередь как деление на «своих» и «чужих». Причем необходимо отметить, что религиозные мотивы социального разделения остаются в числе наиболее сильных. Четкое разграничение ортодоксии и ереси является отличительной чертой богословской мысли. Этим ситуация в религиозной идеологии отличается от политической, ориентированной на поиск компромисса.

В качестве примера можно привести религиозно мотивированное культивирование образа врага в идеологии «Международного общества сознания Кришны», связанное с языковым аспектом именованного последнего в качестве «демона»: «В этом мире живут три рода людей: богоизбранные, демоны и невиновные. Богоизбранные заняли свое место в служении Высшего. Демоны активно работают над тем, чтобы истребить любое знание о Боге. Невиновные образуют стадо, которое идет за тем, кто стоит во главе общества». В идеальном обществе кришнаитов предусмотрены «кшатрии атома», особая военная каста, задачей которой является истребление демонов [5, 309]. Противоположной разделению тенденцией отличается неоиндуистский коммуналлизм – религиозный национализм, отождествляющий нацию и религиозную общину в полирелигиозной стране. Исследователь тоталитарных культов А. Дворкин отмечает, что враждебность по отношению к другим религиям проявляется, в числе прочего, в практике «исправления имен». Например, в утверждении, что этимология названия «Москва» ведется от «мокши», «России» – от «страны риши» (риши – составители Вед). Наличие аналогичной практики отмечается в «Миссии Чайтаньи «Институт Знания о Тожественности»»: «хотя Бог один, у Него есть много имен, основанных на Его различных качествах. Например, Бога называют Иегова, поскольку Он всесилен. Бога называют Аллах – это означает, что Он всем сострадает. И Его называют Кришна, что означает «Всепривлекающая Личность»» [5, с. 309].

При этом следует иметь в виду, что на сегодняшний день термином «религиозная идеология» охватываются феномены, далеко выходящие за пределы конфессиональной религиозности, а процесс постмодернизации куль-

туры, как отмечает Ю. Рыжов, наряду с секуляризацией религиозного включает себя сакрализацию светского. Так, неоиндуизм, считающийся на сегодняшний день наиболее мощной неоязыческой традицией, позиционирует себя не столько как религиозное, сколько как общественное движение. Жижек отмечает, что западный буддизм на сегодняшний день является феноменом поп-культуры, в полной мере отражающий идеологию позднего капитализма.

Традиционным способом разделения в религиозной среде было разграничение правоверия и ереси. Так, А. Кураев отмечает, что «еретик» – не ругательство, а способ обозначения дистанции между различными религиозными путями. Перспектива создания «универсальной религии», «толерантной» и терпимой ко всем возможным проявлениям религиозного самоопределения в этой связи оценивается достаточно критично. Проповедник религиозной истины должен вносить разделение между правильным и неправильным, а истина – это совсем не то, что должно всем нравиться. В этой связи Кураев отмечает полемичность сочинений святых Отцов, вполне согласующуюся с пониманием миссионерства и проповедничества как акцентирующих внимание на разделении [8].

Одним из традиционных способов разделения в православной религиозной среде является церковнославянский язык. Теологами церковнославянский язык трактуется как средство разделения сакральной и профанной сферы. «Непонятность» имеет миссионерские последствия: очевидная инаковость строя церковной жизни, мысли, языка и календаря, непонятность, несводимость к привычным стереотипам привлекает именно ощущением наличия грани между сакральным и профанным, трансцендентным и имманентным: «Чудо не может вместить себя в символы до конца понятные и вполне адекватно переведенные на секулярный язык. И поэтому язык Церкви (речь идет не только о языке богослужения, но и о языке церковной мысли и веры) никогда не может быть до конца «родным»» [8, с. 65]. Таким образом, «непонятность» языка трактуется как несводимость к обыденности и способ отделения от профанного.

Идеологическая унификация, характерная для современного типа религиозных идеологий, противоположность тенденции разделения, связана с нечеткостью самоидентификации и формулировок, расплывчатостью границ. Так, неясность формулировок является характерным признаком экуменической идеологии. Поскольку слишком ясные и развернутые формулы служат основой разделения на «свое» и «чужое», экуменическая идеология, синкретические религии, неоязычество, внеконфессиональная религиозность стремятся их избегать. Таким образом, основной лингвистической характеристикой функционирования идеологии является языковое разделение. Во всех рассмотренных теориях отмечаются два преимущественных аспекта изучения лингвистического измерения идеологических различий.

1. Во-первых, они фиксируются в языке. Барт Р. отмечает наличие деления на социолекты, а также на различие акратического и энкратического языков.

Бодрийяр Ж. говорит о знаковой стратификации общества в рамках семиократии. Розеншток-Хюсси О. – о лингвистической фиксации социальных «болезней». Согласно С. Жижеку, социальный антагонизм фиксируется в «идеологическом фантазме». Фуко М. постулирует произвольность дискурсивности и идеологичность деления на «нормальность» и «ненормальность» в обществе.

2. Во-вторых, идеологические противоречия нейтрализуются либо маскируются в сфере языка. У Р. Барта средством этого являются мифы, у Ж. Бодрийяра – знаковое сопротивление власти семиократии, у О. Розенштока-Хюсси – языковое «исцеление», у С. Жижека – в создании идеологического фантазма.

3. Важно отметить специфику такого анализа по сравнению с лингвистическим. Культурологический и философский способы исследования идеологических различий в языковой плоскости отличает эмпиричность оснований. Ее основой является непрозрачность социальных отношений, неуловимость дискурса. Поэтому там, где лингвистика изучает различия в лексике, жаргонизмы, диалекты, философия способна на более глубокий анализ.

4. Существенным представляется также то, что основой разделения языков во всех обозначенных теориях является отношение к власти, при этом власть также интерпретируется в семиотическом аспекте. Р. Барта – в качестве господствующего дискурса, Ж. Бодрийяром – как господствующий код, О. Розенштоком-Хюсси – как единый язык социальной общности, социальная «система координат» и др.

Список литературы:

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс; Универс, 1994.
2. Барт Р. Мифологии / пер. с фр., коммент. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. – 312 с.
3. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М.: Русские словари; Языки славянских культур, 1997. – 732 с.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М., 2000. – 387с.
5. Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. – Нижний Новгород: «Христианская библиотека», 2007. – 813 с.
6. Жижек С. Возвышенный объект идеологии / Пер. с англ. В. Софронова. – М.: Художественный журнал, 1999.
7. Жижек С. О насилии. – М.: Европа, 2010. – 184 с.
8. Кураев А.В. Вызов экуменизма / Диакон Андрей Кураев. – М.: Грифон, 2008. – 477, [2] с.
9. Розеншток-Хюсси О. Язык рода человеческого. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 608 с.
10. Laclau, E., Mouffe, Ch. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. – London: Verso, 1985.